
В прокуренном вагоне дым и гам,
И три царя, укутываясь в шубы,
Глядят в окно, гадая по звездам.
Их спутники просты и в чём-то грубы.

Их спутники всё больше пастухи,
А также рыбаки и конокрады.
Они смеются, их грехи легки,
Вина довольно, большего не надо.

А за окном – заснеженная степь,
Разрезанная вдоль путём железным.
И кажется, что проще умереть,
Чем до конца дойти, оставшись прежним.

«Какая станция – ещё не Вифлеем?»
Кондуктор жмёт покатыми плечами.
И поезд мчится дальше, вместе с тем
Оставшись неподвижным под царями.

Им кажется, дороге нет конца.
Гвардейцы Ирода у каждого стоп-крана.
А за стеклом окна горит звезда –
Как Божия искра на дне стакана.

От полей, позаросших сухою травой,
От пожаров, что выжгли мне сердце до срока,
Я уже ухожу, чуть воды ледяной
Из колодца хлебнув. И, минуя ворота,

Я не буду назад, озираясь, смотреть:
Я уже крепко встал в золочёное стремя.
Предо мною раскинулась рыжая степь,
Ковылями скрывая усмешку на время.
Из её шкуры лисьей повыбью песок,
Погоняя коня половицею плетью.

И калёной стрелой меня клонет в висок
Окаянный, свистящий, разбойничий ветер.

Закричит, забеснуется испугнутый Див,
Истуканы сощурятся, целясь с курганов.
Но лишь воду из Батюшки-Дона испив,
Можно в сердце унять воспалённую рану.

Если Дева-Обида пошла по Руси,
То вздыхая, то плача в рассветном тумане...
С нами крёстная сила, Господь, освяти
Путь-дорогу до города Тьмутаракани.

Что тоска – с этим тоже живут,
Как с зубной надоевшею болью.
Сеют жито да лапти плетут,
Не смущаясь мечтою о воле.

Это всё среднерусский мираж –
Не прожить безупречным и чистым.
А накатит минутная блажь –
Так нальют всем селом гармонисту.

Пусть он схватит гармонь за бока
И споёт, с хрипотцой и отдышкой,
Как летят над землёй облака,
Задевая охранников вышки.

Да про ворона – чёрную тварь,
Что кружит и кружит спозаранку.
И заплачет прожжённая рвань,
Вспоминая кто папку, кто мамку.

А наутро – похмельным и злым –
Выходить на тугую работу...
– Веселей! – бригадир крикнет им
И замашет косою по осоту.

Мой век

*Мчался он бурей тёмной, крылатой,
Он заблудился в бездне времён...*

Николай Гумилёв, 1919.

Снова сместились в пространстве даты.
Мчится по рельсам двадцатый век.
Сжав рукоять, спит вагоновожатый,
Глядя в изнанку горячих век.

Там, на кровавых страницах, фразы:
Вены скрестились в подобья букв,
Словно магические приказы,
Обозначающие маршрут.

Вот повернул он на запад круто.
Как я, сжимая в руке билет,
Здесь оказался, лишь на минуту
Выйдя из дома купить газет?

То громовые слышны раскаты,
То переливчатый виден свет...
Над Ленинградом промёрзшим подъятый
Ангел угрюмо глядит вослед.

Вот повернул он и мчится к югу,
Но муэдзина страстный призыв
Бьёт в лобовое стекло, как вьюга
Или кумулятивный взрыв.

Там, где по снегу брели этапы,
Не был проложен трамвайный путь.
Но и на север вагоновожатый
Смог опалённый вагон развернуть.

Кто-нибудь, переведите стрелки!
Снова я вижу за мутным стеклом:
Юноши в шишаках островерхих
Строем идут на борьбу с Колчаком.

Снова и снова весёлые люди
Рельсы кладут и кладут в чернозём.
Только я всё равно помню, что будет.
Остановите сейчас вагон.

Остановись же, мой век железный!
Намертво в правой руке билет.
Тысяча девятисотый... Льготный...
И компостера пулевой след.

Святые Питер и Иероним,
В свои холсты, вместившие пространство,
Где суета клубится, словно дым,
Где кровь и пот, грехи и окаянство,

Где, вопреки всем проискам судьбы,
Смеются краснощёкие селяне.
Их женщины надёжны и просты,
И мир вокруг творится их руками.

Здесь есть права у агнца и вола,
Взирающих светло и без испуга,
Здесь взмах Икарова непрочного крыла
Не отвлекает пахаря от плуга.

Твори, что должен, пусть нелёгок труд,
Поставив против смерти созиданье –
И в свой черёд над пажитью взойдут
Колосья хлеба в золотом сиянье.

И этот свет наполнит Сад земной,
Где лев с ягнёнком рядом, кошка – с мышью,
Где человек с прозрачною душой
Внимает Господу, вздыхая еле слышно.

Рисуя путь из пропасти во ржи –
Сквозь пот и кровь, чуму и наважденья,
Как тайну человеческой души,
Они постигли суть Преображенья.

Серьёзный ангел, изогнув крыло,
Сойдя с холста, к ним прикоснулся нежно,
Тончайшей кистью обведя чело, –
Как нимбом – светом веры и надежды.

Износивший две дюжины пар башмаков,
Блудный сын возвращается в землю отцов.
А дорога петляет и вьётся змеёй
И не хочет, чтоб он возвращался домой.

Вот налево уводит дорога его.
Там кабак, где потоками льётся вино.
И весёлые женщины ночь напролёт
Щедро дарят любовь за наличный расчёт.

Вот направо уводит дорога. А там
Золочёной главой гордо высится храм.
А под куполом певчие хором поют,
Фимиамом кадят, свечи тонкие жгут.

Но ни в храм, ни в кабак не желает душа.
«Что ещё впереди? – вопрошает она. –
Что для радости есть ещё в отчих краях?»
И дорога петляет, и пыль на ногах...

Седина на висках, и сон – только один:
Где встречает его неродившийся сын.